

Елена Цумарова

Алексей Миллер, Ольга Малинова и Дмитрий Ефременко, ред. Политика памяти в России – региональное измерение. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 471 с. ISBN 9785248010530.

*Елена Цумарова, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.
tsumarova@gmail.com.*

Исследования политики памяти уже прочно заняли весьма значимое место в научной литературе. При этом тематика подобных исследований включает как традиционный национальный уровень, так и набирающий обороты анализ наднациональных и региональных и даже локальных практик политического использования прошлого. Рецензируемая монография продолжает традицию исследований политики памяти в отдельных российских регионах, сложившуюся вокруг Центра по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге (см., например, Лапин и Миллер 2021), и представляет собой весьма амбициозную попытку систематизации «политики памяти в ее региональном аспекте, но в масштабе всей России» (с. 21). Как отмечают авторы, в книге «создана основа для картирования мнемонического ландшафта России, позволяющая фиксировать динамические изменения в политике памяти как на федеральном, так и на региональном уровне» (с. 23).

В основе монографии лежат два взаимосвязанных тезиса. Первый касается взятого в качестве методологической базы акторно-ориентированного подхода: Алексей Миллер и Константин Пахалюк во введении достаточно убедительно показывают ограничения простого разделения акторов на федеральных, региональных и локальных. Действительно, типологизировать акторов политики памяти в регионах не всегда просто. Например, является ли музей федерального подчинения «Кижский» агентом федеральной политики памяти? Или его можно отнести к региональным или даже локальным акторам, сохраняющим память о деревянном зодчестве на Русском Севере / в Карелии / в Заонежье? И, наоборот, можно ли считать создаваемые в городах центры воинской славы исключительно региональными практиками политики памяти или их необходимо рассматривать в контексте федеральных инициатив? В качестве альтернативы авторы предлагают обращать внимание «на сети, которые связывают различных акторов, и на механизмы их взаимодействия» (с. 21), а также на прагматику поведения: «ставит ли тот или иной актор целью формирование общероссийской памяти . . . или изначально ограничивается неким регионом» (с. 13).

Второй тезис непосредственно связан с проблематизацией понятия «регион» или, как пишут Алексей Миллер и Константин Пахалюк, с вопросом «масштабирования» политики памяти в процессе ее функционирования и изучения» (с. 8). Как и в предыдущем случае, авторы не пошли по простому пути приравнивания региона к субъекту федерации, а ввели дополнительный уровень анализа – «мезоуро-

вень», при котором «в фокусе внимания оказываются кластеры, состоящие из нескольких регионов», но не совпадающие с границами федеральных округов (с. 10). Такой подход обеспечивает сравнительную перспективу и позволяет выявлять взаимовлияние соседних регионов.

Кластерный подход лег в основу семи из десяти глав монографии. Несмотря на то, что выделение кластеров в каждом случае разъясняется, оно все же оставляет вопросы. Кажется, что наиболее удачным примером использования кластерного подхода является пример анализа политики памяти на Урале и в Западной Сибири (глава 5), в котором соединились и убедительное обоснование границ мезорегиона, и четко сформулированные результаты. В других случаях количество регионов либо слишком велико, чтобы анализ их уместился на страницах одной главы (12 кейсов в Центральной России), либо, наоборот, ограничивается одним (Калининградская область) или двумя субъектами (Санкт-Петербург и Ленинградская область), либо основания для включения (и невключения) регионов в анализ довольно спорны (особенно ярко это проявилось в главе, посвященной политике памяти на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири и включающей анализ только трех достаточно разных регионов). Впрочем, авторы монографии и сами указывают на трудности при формировании таких мезорегионов (с. 11, 12).

При этом Алексей Миллер и Константин Пахалюк почему-то обходят вниманием операционализацию ключевого для монографии понятия «политика памяти». Во введении некоторая концептуализация приводится только в сноске: политика памяти фактически приравнивается к политике идентичности и рассматривается очень широко как «производство региональных идентичностей и культурных смыслов» (с. 16). Более четкая и конвенциональная трактовка представлена в главе 2 (но почему-то тоже в сноске): политика памяти определяется как «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение представлений о коллективном прошлом» (с. 101). Отсутствие единого определения отчасти размывает концептуальные рамки исследования: политика памяти действительно является важной частью политики идентичности, но сводить последнюю исключительно к политическому использованию прошлого было бы упрощением. Кроме того, использование в тексте одновременно двух терминов – «политика памяти» и «политика идентичности» (например, на с. 332) – может запутать читателя. Включение в текст монографии хотя бы краткого раздела о соотношении основных понятий, как представляется, могло бы решить эту проблему.

Эмпирическую базу монографии составляют более ста экспертных интервью, наблюдения авторов в ходе экспедиций в изучаемые регионы, а также обширная база интернет-источников, официальных документов и научных исследований.

Помимо введения и заключения, книга включает в себя десять глав, семь из которых построены по географическому принципу – здесь анализируется политика памяти в выделенных мезорегионах (кроме уже упомянутых кейсов, в отдельных главах представлен анализ политики памяти в регионах Поволжья и южной части России), а три – по тематическому, фокусируясь на отдельных аспектах политики памяти в регионах. Так, Евгений Кринко анализирует исторический нарратив, представленный в учебниках истории на Северном Кавказе (глава 8), Дарья

Хлевнюк сосредоточена на бытовании памяти о политических репрессиях в регионах (глава 9), а Владимир Лапин и Анастасия Матисова рассматривают монументальную политику России в ее региональном измерении (глава 10). Такое сочетание, с одной стороны, демонстрирует разные способы анализа региональной политики памяти, а с другой – несколько ломает общую логику повествования. Если в «мезорегиональных» главах текст выстраивался вокруг трех узловых точек «акторы – практики – нарративы», то в «тематических» один или два элемента выпадают. Это оправданно с точки зрения поставленных перед авторами этих глав задач, но не вполне встраивается в методологическую концепцию книги.

Чтение этой монографии увлекает тем, что позволяет разглядеть разбросанные тут и там кусочки пазла, которые сами собой складываются (или могут сложиться) в единую картину. Пересказывать содержание каждой главы – занятие непростое, если не невозможное, поскольку каждая из них настолько насыщена информацией, что любой пересказ неизбежно исказит и упростит картину. Поэтому детали и примеры я оставляю для читателей, которые, безусловно, получат удовольствие от погружения в разнообразный тематический репертуар политики памяти российских регионов. Здесь я бы хотела остановиться на тех общих выводах, которые так или иначе содержатся во всех включенных в монографию текстах.

Пожалуй, главный тезис книги заключается в том, что политика памяти на региональном уровне направлена на достижение двух, на первый взгляд, противоречивых целей: подчеркнуть свою самобытность на фоне других территорий и одновременно встроиться в общенациональный исторический нарратив, став неотъемлемой частью единого целого. На разных примерах авторы показывают вариативность стратегий, к которым прибегают региональные мнемонические акторы в попытке достичь этих целей. Для демонстрации своей уникальности часть регионов обращается к давнему прошлому, претендуя на статус мест с самыми древними поселениями на территории современной России. Так, отмечает Дмитрий Ефременко, столица Бурятии Улан-Удэ стремится оспорить статус древнейшего города России, включив в свою историю хуннское городище в Иволгинском районе (с. 187). В учебниках истории, по которым учатся на Северном Кавказе, также предпринимаются попытки «удревления» истории этносов (вплоть до VII–VI тысячелетия до н. э.), обосновывающие их влияние на развитие территории в целом (глава 8). В Центральной России эта стратегия реализуется за счет обращения к золотому веку – Средневековью и раннему Новому времени, – который мыслится периодом наивысшего расцвета территорий (глава 1). В Калининградской области такое «удревление» происходит с осторожным включением в исторический нарратив памяти и о Тевтонском ордено, и о немецком периоде в истории региона (глава 3).

Другой способ выделиться на общем фоне – акцент на отдельных темах или аспектах прошлого. Зачастую эти темы связаны с советским периодом истории, в особенности с Великой Отечественной войной, занимающей центральное место в общероссийской политике памяти. Каждый регион стремится включить в федеральный нарратив элементы локальной памяти, связанной или с оккупацией (южная часть России, некоторые регионы Северо-Запада), или с блокадой (Санкт-Пе-

тербург), или с трудовой доблестью и эвакуацией (Урал и Западная Сибирь), или с борьбой с иным противником (Дальний Восток). Однако есть и более специфические сюжеты, касающиеся, например, процесса вхождения территорий в состав России. Региональные нарративы по-разному трактуют этот процесс, указывая либо на «покорение»/«завоевание» (об этом, в частности, пишут Евгений Кринко и Дмитрий Ефременко), либо на добровольный характер «присоединения» (см. случаи Удмуртии и Северной Осетии).

Интересным представляется описанное в монографии стремление регионов «подсветить» свое приграничное положение, также претендуя тем самым на особый статус. Причем тема пограничья становится элементом политики памяти не только в действительно приграничных территориях (в Калининградской области, на Дальнем Востоке или в регионах Юга России), но и в регионах Поволжья. Как показывает в своем тексте Александр Воронович, в Самарской и Нижегородской областях эта тема связывается с идеей защиты и расширения границ «Русского государства», а в Татарстане и Удмуртии – с идеей соединения «Запада» и «Востока» (с. 293). В южных регионах темы пограничья и защиты территории тесным образом переплетаются с особой ролью казачества, которое, например, в Краснодарском крае рассматривается как ядро «коренного населения», «обладающего особой ответственностью за благополучие края» (с. 306).

Не менее важная задача политики памяти в регионах заключается в том, чтобы максимально встроиться в федеральную повестку и избежать появления публичных конфликтов в дискуссиях о прошлом. Региональные и локальные мнемонические акторы стараются умалчивать / не упоминать о наиболее спорных или трудных событиях в истории региона. Так, на Юге России избегают разговора об участии казаков в Гражданской и Великой Отечественной войнах, в Нижегородской области стараются обходить стороной тему церковного раскола и т. д. Практически во всех регионах наиболее сложной является память о репрессиях, которую официальные лица стремятся вынести за пределы публичного обсуждения и которая поддерживается преимущественно негосударственными «игроками» (это подтверждают и данные исследования репертуара мемориальных сооружений, приведенные Владимиром Лапиным и Анастасией Матисовой в главе 10). Исключение составляют республики Северного Кавказа, в которых тема депортаций включена в школьные учебники истории, события эти публично осуждаются и коммеморируются (хотя, как справедливо отмечает Дарья Хлевнюк, и не без проблем).

Однако трудное прошлое не всегда замалчивается. На примере установки памятника Александру Колчаку в Иркутске и памятника Примирения и Согласия в Новочеркасске Дмитрий Ефременко (глава 4) и Алексей Миллер (глава 7) показывают стремление локальных акторов реализовать стратегию примирения памяти сторон, противоборствовавших в ходе Гражданской войны. Рассматривая практики формирования и сохранения памяти о репрессиях в российских регионах, Дарья Хлевнюк демонстрирует попытки мнемонических акторов переизобрести, в частности, память об использовании принудительного труда заключенных, сделав акцент на «внушительных» результатах «лагерной индустрии» (с. 381).

Причины, по которым в регионах реализуются разные стратегии политики памяти, в монографии имплицитно сводятся к сложившейся конфигурации мнемонических акторов. При этом факторы, влияющие на характер и результаты взаимодействия акторов, четко не сформулированы. Недостаточное внимание к объяснению выявленных сходств и различий политик памяти, пожалуй, является слабым местом рецензируемой книги, но не перекрывает ее многочисленных достоинств. Напротив, это дает пищу для размышлений и дальнейших исследований. Безусловно, я рекомендую монографию к внимательному прочтению всем, кому интересно региональное многообразие России в предложенном здесь преломлении, которое, конечно, гораздо больше, чем политика памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лапин, Владимир и Алексей Миллер, ред. 2021. *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.